

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ЕКАТЕРИНА ЭЙГЕС

**ТИХИЙ ШЕЛЕСТ
СТИХОВ**

Стихотворения

Водолей Publishers
Москва – 2006

ББК 84Р7-5
Э34

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление и подготовка текста *В. А. Дроздова*
Биографические сведения *Л. Г. Чудовой*
Научный редактор *Е. В. Витковский*

ISBN 5-902312-89-2

© Е. Р. Эйгес, наследники:
С.В. и Н.Г. Чудовы, 2006
© В. А. Дроздов,
составление, 2006
© Водолей Publishers, 2006

От составителя

Екатерина Романовна Эйгес (1890–1961) писала стихи с юных лет, но заявила о себе как поэтесса весной 1919 года, когда обратилась во Всероссийский союз поэтов с просьбой принять ее в состав его членов. В правлении Союза она встретила поэтов-имажинистов С. Есенина, В. Шершеневича, А. Кусикова и И. Грузинова, заправлявших там тогда всеми делами. Екатерина Эйгес вручила им для ознакомления тетрадь с напечатанными на пишущей машинке стихотворениями 1910–1913 годов. Через несколько дней они ей возвратили стихи и сообщили о положительном решении.

С этого времени начался важный для нее период близких отношений с Есениным, о которых она скромно и тактично (не в пример многим писавшим о поэте мемуаристам) рассказала в своих воспоминаниях (опубл.: Новый мир. 1995. № 9; в кн.: Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М.: Республика, 1995; 2-е изд. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997). Серьезное увлечение Есенина Екатериной Эйгес продолжалось два года, вплоть до ее замужества. Как член Всероссийского союза поэтов она активно участвует в литературной жизни столицы, пишет стихи, читает их на вечерах поэзии. Есенин не остается безучастным к ее литературным пристрастиям, обсуждает ее стихи, делает замечания. Увлеченная прежде поэзией Блока и Ахматовой, она теперь испытывает интерес к стихам Есенина, его необыкновенным ярким образам, новым рифмам и ритмам. Об особых доверительных отношениях Есенина к Е. Р. Эйгес свидетельствует

передача ей поэтом в 1920 году третьей части своих рукописей (две другие равные доли предназначались для его матери и сестры Кати).

Еще до знакомства с Есениным она опубликовала несколько стихотворений в орловской газете «Голос народа», но, как и многие другие талантливые поэты и поэтессы, в первые послереволюционные годы в условиях «бумажного голода» не смогла издать авторский сборник стихов. Поэтические произведения Е. Р. Эйгес сохранились не полностью, часть их, в первую очередь автографы стихов, написанных в 1919–1921 годах, с пометами и исправлениями Есенина, оказались утраченными.

Вместе с тем в собрании С. В. Чудова и Н. Г. Чудовой (Москва) хранится изготовленная вручную тетрадь с 39 напечатанными на пишущей машинке стихами Е. Р. Эйгес. Тетрадь имеет переплет с теснением на корешке: «Е. Эйгес. Стихи». Именно ее показывала поэтесса Есенину и его друзьям. В этом же собрании находятся автографы 17 стихотворений, имеющих разночтения со стихами, напечатанными в тетради. Легко устанавливается, что эти разночтения появились в результате последующей работы поэтессы над ними. Имеется автограф еще одного стихотворения, написанного в 1915–1917 годы (датируется по содержанию). Все автографы выполнены в старой орфографии. Кроме того, сохранилась машинопись 10 стихотворений, выполненная в новой орфографии. Автограф еще одного стихотворения, «Уже отравленная ядом...», отложился в РГАЛИ в фонде брата поэтессы, И. Р. Эйгеса. Нельзя не упомянуть и о подготовленной к печати (имеются даже цветные иллюстрации) книжке стихотворений для детей.

Для составления данного сборника стихов были использованы все сохранившиеся материалы, относящиеся к поэтическому творчеству Екатерины Эйгес. Стихи в

нем распределены по двум разделам: «Стихотворения 1910–1913 годов» и «Стихотворения разных лет». Первый раздел – это стихи, напечатанные в тетради, с учетом более поздней правки поэтессы, второй – остальные стихи. Принадлежность Е. Эйгес шести последних стихотворений сборника устанавливается по их нахождению в составе атрибутированных автографов и машинописных копий с правкой поэтессы. Стихи для детей не публикуются.

Помещенные в книге биографические сведения взяты из ранней публикации племянницы Е. Р. Эйгес Людмилы Григорьевны Чудовой (Новый мир. 1996. № 1).

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1910–1913 ГОДОВ**

I. ВИДЕНИЯ

1

В переулке глухом это было,
Ждала от тебя я ответа,
Спросить и сказать я забыла,
Что хотела с минувшего лета.

В переулке пустынном и диком
Мне запомнилось странное слово.
Ты пронесся невиданным ликом,
Ты напомнил мгновенье былого.

В переулок, пронизанный мраком,
Проститься пришла я с тобой.
Мир уходит последним взмахом,
Облик твой уношу я с собой.

Я уйду в другие страны
Дальше от друзей, подруг.
Там увижу, как туманы
Мне начертят жизни круг.

Я устала от обманов
И хочу легко вздохнуть.
Там среди седых туманов
Я найду свой верный путь.

Я пойду бродить в пустыне
И замедлю тихо шаг.
Буду ждать в немой равнине,
Кто подаст мне тайный знак.

И в равнине белоснежной,
В зимней ночи поздний час,
Сон нарушив мне мятежный,
Надо мной вдруг ты, склонясь!

Я тебя молчаньем встречу,
Тайны сердца сберегу,
Слов не надо, лишни речи,
Я в пустыню ухожу.

И с распущенной косою
В ожиданьи бурь и гроз
Я с растерзанной душою
Камнем стану, и без слез.

Осенний дождик лился,
Слышался топот коней,
Свет переменный струился
От ряда больших фонарей.

Люди шли, утомленные
Прожитым серым днем,
Усталые, недовольные,
Не мысля ни о чем.

И шли мы тихо рядом,
Я и кто-то другой,
Одним отравлены ядом,
Одной убиты мечтой.

Ночные уж близились тайны,
Впереди покрывалось всё тьмой,
На углу переулка случайно
Навсегда мы расстались с тобой.

И было ненужным и странным,
Что близко так шли мы вдвоем,
Друг в друге узнали о тайном,
Друг друга пронзили лучом.

Снег окутан синей дымкой,
В зимнем воздухе туман,
И снежинка за снежинкой
Облепляет чей-то стан.

Чем-то сказочным пахнуло
Нам приветствие зимы.
На дорогу потянуло,
Где с тобой встречались мы.

Нас холодный снег скрывает,
Тихо по снегу бредем,
Новый путь нас окрыляет,
Мы чего-то снова ждем.

Ветер вьюжный замечает
Наши легкие следы
И за ними расплетает
Бесконечные мечты.

Кто же тихо молвит речи
И идет со мной вдвоем.
Я с тобой искала встречи,
Ты под белым скрыт плащом.

Разбужу ночные дали,
Опрокину небеса,
Ты внимай моей печали,
Ты открой во тьме глаза.

Я во тьме бездонной ночи
Вдруг увижу два огня,
И немеркнувшие очи
Сожгут беспламенно меня.

Очам, узревшим бесконечность,
Я доверяюсь до конца,
И смело я бросаю в вечность
Два загоревшихся кольца.

...И там, где дали всё туманней,
Где исчезают небеса,
Мне улыбнется отрок странный,
Мои зажжет огнем глаза.

И тьма заменится вдруг светом,
Весь озарится мрак полей,
А я пойду за ярким следом
Его распущенных кудрей...

Бесконечная даль впереди,
Белым снегом покрыты поля.
Ты меня у холма подожди,
Я приду, как потухнет заря.

В окнах хижин появится свет,
И земля затуманится мглой.
Всюду слышу твой милый привет:
«Мы увидимся скоро с тобой».

Я иду по безлюдной тропе,
Увлекаема сладкой мечтой.
Там на снежном, далеком холме
Ты появишься вдруг предо мной.

Вот стою на утесе крутом,
Утопает во мгле небосклон,
Тишина и безмолвье кругом,
То мечта ли была или сон?

Обещался мне кто-то прийти,
Но я там никого не нашла!
Только даль без конца впереди,
Белым снегом покрыты поля.

Ты из ночи вышел ко мне,
Догорала на небе звезда.
Я с тобой говорила во сне,
Целовала твои уста.

Так долго ждала я дня,
Чтоб увидеть твои глаза,
Чтоб от их живого огня
Тихий свет на меня пролился.

Но недолго длилась та ночь,
Уж редела везде темнота,
Тебя сумрак уносит прочь,
Ты вернешься ли снова, когда?

Мне сегодня показалось,
Ты покинул светлый круг.
Я с тобой не попрощалась,
Ты ушел так странно – вдруг.

В круг волшебный заключая,
Это я тебя ввела,
Из лучей венок сплетая,
Я тебя им обвила.

Как дыханьем ветра нежным,
Светом ты был окружен,
От меня путем бесследным
Ты ушел, как легкий сон.

– Хочу любить я, как и ты,
Быть в вечности с тобой,
Вдыхать всегда твои цветы,
Твоею жить весной. –

Я научу тебя радостно петь,
Ты будешь летать в вышине.
Но знай, что потом должна ты сгореть
На жарком тягучем огне.

– О, я не боюсь никакого конца,
Я знаю, мне надо лететь,
Пускай не дождусь рокового венца,
Пусть мне суждено умереть. –

Но ты должна быть смелой в борьбе,
Твой путь будет длинен и дик,
Ты будешь идти по тернистой тропе,
Пока не увидишь мой лик.

– Я чувствую крылья, готова, я жду
Улететь к твоим небесам.
Там в последнем усилии я упаду,
Ты предстанешь смутным очам. –

Я те встречи начертала
На серебряной доске,
И словами изъясняла
Всё, что умерло в тоске.

На страницах бездыханных
Искры новые зажглись,
От печалей неустанных
Грустной тенью улеглись.

II. МГНОВЕНИЯ

1

Воля к песням, воля к сказкам –
Упований сердца нет.
Я стремлюсь к неясным краскам
И ловлю туманный свет.

Всё безрадостно, бесстрастной
Жизнь становится моя,
И холодной, безучастной
Вьется лента бытия.

Но прекрасны, как и прежде,
Реют светлые мечты.
Веря сладостной надежде,
В них таю твои черты.

На фоне неба, во власти ночи,
Черчу я четко твои черты.
Никто не знает, чьи это очи,
Никто не знает, что это ты.

Земля уходит с немым страданьем,
Ей непонятны мои мечты,
Мне небо скажет своим молчаньем:
«Ту тайну знают лишь я да ты».

Светлеет небо, сплывают краски
И отцветают в душе цветы.
То были только ночные сказки,
Тебя ищу я, о, где же ты?

Со мною что-то было,
Куда-то я спешила,
Куда-то быстро шла.
Всё это уж уплыло,
И я ли то была.

Как будто сновидения,
Мерещатся мне дни,
И, полные мучения,
Безрадостны они.

Я помню дни сближенья
И радужные сны,
Прощанья, помраченье
Последних дней весны.

И сколько было тающих
Признаний на устах,
И сколько угрожающих
Попреков на словах.

Теперь уж всё забыто,
Померкло и прошло,
Прощением покрыто,
Куда-то отошло.

Осталась только странная
Тревога на груди

И чудится желанная
Мне встреча впереди.

Слезинки лишь соленые
Текут, ползут с очей,
И ночи все бессонные,
А сонных нет очей.

Расплету я косы длинные,
Кофточку надену алую
И пойду в страну пустынную
На свиданье запоздалое.

Там стоят деревья чуткие,
Медленно качают ветками.
Я войду в аллею жуткую,
Стану робко за беседкою.

Прислонюсь к стволу сосновому,
Оглянусь на дни неясные
И зардеюсь мыслью новою,
Улыбнусь закату красному.

Вспомню, как туда ходила я,
В дни далекие туманные,
Как потом домой унылою
Я пришла, с мечтами странными.

А теперь уже устала я,
Не вернусь дорогой дальнею,
Сердце там свое оставлю я,
Пусть умрет любовь печальная.

Сегодня слышала я новость,
Ты круг заветный свой свершил,
Но и теперь лица суровость
Улыбкой нежной не смягчил.

Тебя я встретила случайно
И образ твой меня смутил,
Но непонятную ту тайну
От всех и от меня ты скрыл.

Меня томил уж грустью нежной
Твоих ресниц тяжелый мрак,
Залог души твоей мятежной,
Твоей-то жизни верный знак.

И брови темные дугою,
И бледность кожи, бледность рук,
Всё дышит жизнью неземною,
Всё говорит о правде мук.

И помню длинную я талью,
И щеки впалые и грудь,
В глаза же с вечною печалью
Я всё боялась заглянуть.

У тебя ли глаза голубые
И густые темные брови.
Я тебя увидела впервые,
Не сказала тебе я ни слова.

Но чарующим взглядом объята,
За тобою пошла я невольно...
От меня вдруг ушел ты куда-то,
Снова сердцу и грустно и больно.

Говорят, что я кокетка,
Что играю я глазами
И порою очень метко
Попадаю я словами.

Говорят, что смех мой звонкий
То и дело раздаётся,
По поляне тенью тонкой
Часто стан мой гибкий вьётся.

Говорят, что я счастлива,
Недоступная печалям
И что часто молчаливо
Улыбаюсь светлым далям.

Говорят, меня видали
В час полночный под луною,
Как одна я танцевала
С расплетенною косою.

Говорят, в пруду купаясь,
На себя я любовалась,
Раздеваясь, одеваясь,
Заразительно смеялась.

Говорят, что сердцем юным
Я узнала на мгновенье
Под сияньем неба лунным
Бесподобное виденье.

Много горя, много песен,
В каждой песне есть и ты.
Что же, если мир мне тесен,
Не сбылись мои мечты!

Я жила в других селеньях
И другие знала дни.
Не в одних ведь жить томленьях
О потерянной любви.

Серые птицы печали
Плачут в моей груди,
Им не видны прекрасные дали,
Их не ждет ничего впереди.

Весенние сети напали,
Поймали на тусклом окне,
Серебристые нити не знали,
Что добыча сгорит на огне.

Серые птицы пытали,
Не страшен ли будет конец.
И тихо, и мирно сплетали
Из грусти терновый венец.

Я опять очутилась в волшебном тумане
И вижу вдали уплывающий свет,
Я качаюсь в прозрачном, серебряном чане,
Пока загорается где-то рассвет.

Ко мне уж нисходят знакомые чары,
Я жду предрассветных, мучительных снов,
И медленно близятся темные пары
И ждут от меня утешительных слов.

Я тайны своей никому не открою,
Что знаю, того никому не скажу.
Я выйду на землю ночью порою
И путь им другой от себя укажу.

О, ты напрасно и рад, и смеешься,
Своей души я тебе не отдам.
Ты медленно так туда плетешься,
Ты никогда не войдешь в мой храм.

Правда, я тебе рассказала,
Какие есть светлые пути,
Но их тебе не показала,
Ты не сумеешь их сам найти.

Ты будешь долго колебаться
И побоишься крылами взмахнуть.
Жаль с землею будет расстаться,
Чтобы узнать неизведанный путь.

Нужно идти по узкой тропинке,
Она одна ведет в вечный мир.
По тонкой, невидимой паутинке,
Как по мосту, перейду я эфир.

Там я стану на белом пороге,
Весь мир увижу с высоких небес
И вас внизу на широкой дороге,
Всё будет ждать непонятных чудес.

Потом подойду к золотистому трону,
Повсюду блеснет ослепительный свет.

И только, когда я надену корону,
Поймете – меня среди вас уже нет.

III. УЕДИНЕНИЕ

1

Не спала, у окна я сидела,
Полночь сковала меня,
На улице лужа блестела,
Безмолвна была земля.

Прозрачно и тихо было,
Казалось, нет жизни кругом,
На небе облако плыло,
Всё думала я об одном.

И мир весь блаженством закован,
Отдался ночной тишине,
Далекой луной зачарован,
Шептал он о вечности мне.

Как будто земля охладилась,
Погибли все жизни на ней,
И твердь, без огня, утомилась
Быть почвой для праздных людей.

В безмерном, бездонном эфире
Скитается молча она,

Без мыслей о прожитом мире
И навеки ему предана* .

* В машинописи: «И на веки чему предана».

Люблю уединенье
И смех немой волны,
И к вечному стремленье,
И небо без луны.

Чтоб звезды осыпали
Над нами весь простор,
Огнем чтоб зажигали
Мой потускневший взор.

И кажется порою,
Что в небе с ними я,
И звезды предо мною
Все близкие друзья.

С планеты отдаленной
Мне хочется взглянуть
Душою просветленной
На новый светлый путь.

Безмерное измерить
Мне хочется до дна,
И хочется поверить:
«Душа моя – вечна».

Вечер томный и душистый
В поле чистом помню я.
Рожью спелой, золотистой
Убрана была земля.

В вышине вон там струится
Свет прозрачный янтаря.
Или мне всё только снится,
Что не меркнет та заря.

4

К ЛУНЕ

Люблю тебя с тоской глубокой,
Лишь ты мне правду говоришь
И в мир иной меня манишь,
Волшебный, тихий и далекий.

Свои серебряные токи
Ты льешь на дно души моей,
И, смолкнув, я читаю строки
Той жизни вечной и ничьей.

На всё кругом смотреть спокойно
Меня твой холод научил
И ключ от тайны упоенно
Смеясь мне твой поток вручил.

Сыплются камни с утеса морского,
Катятся вниз на холодный песок.
Скорбь не отходит от сердца больного,
Точно прилипший увядший цветок.

Словно раскаты в небесном просторе,
Камни грохочут в ночной тишине.
Гул их в далеком бушующем море
Отзвук крушенья находит во мне.

Ждала я смутно вдохновенья,
Следя, как тучи в небесах,
Чтоб поразить воображенье,
Любуясь чудом отраженья,
Тонули в пенистых волнах.

Береговые очертанья,
Причудливые гор уклоны
В воде давали колебанья,
И были слышны громыханья
И волн немолкнущие стоны.

Во мне проснулись ожидания
Каких-то нежных, кротких снов,
И бледных призраков мельканья,
И друга милого признанья,
И песни сладостной без слов.

Хорошо в разгаре лета
Сельской тишине внимать,
Ждать безмолвного привета
И под липой засыпать.

Хорошо под дождь осенний
О минувшем вспоминать,
О тоске былых мучений,
И тревогу их унять.

Хорошо зимой холодной
Песни новые рождать
И толпе, всегда голодной,
Все творенья раздавать.

Хорошо весною ранней
Всё земное позабыть,
Только жить мечтой желанной,
Только миг один любить.

Стою я к окну прислонившись,
Мой взор уж ласкает закат.
Душа моя, жить утомившись,
Ждет новых, всё новых утрат.

Из сада доносятся звуки,
Как грустно мне стало опять.
И чудятся новые муки,
И сердцу их трудно унять.

Я боюсь даже вспомнить, как листья дрожали,
Как ветер бесшумно летал,
Когда мы с тобою так мирно стояли,
Когда ты меня целовал.

Я боюсь даже вспомнить, как месяц украдкой
С далекого неба глядел,
Когда для меня ты уж не был загадкой,
Когда ты со мной не робел.

Я боюсь даже вспомнить, потом, как просила
Я снова меня полюбить.
Я помню, всё это давно уже было,
И боюсь я о всем позабыть.

Силуэты чернеющих башен
Узорят вдали небосклон.
Он, в пурпур бесстрашно окрашен,
Нам шлет угасающий стон.

Я солнцу ушедшему верю,
Здесь надо кому-то гореть,
Лучи его страстно измерю,
Когда захочу умереть.

Хочу я вечному молиться,
Земных богов не надо мне,
Нетленным миром насладиться,
Забыть, что жизнь есть на земле.

Хаос в душе моей творится,
Мой дух к иным мирам влечет,
Хоть призрак счастья там хранится,
Безумье там покой дает.

В равнине тихой и сырой
Лепечут травы меж собой.
Нам непонятны их слова,
И жизнь их там для нас мертва.

Так и во мне звучат порой
Стихи без слов; они полны
Одной томительной тоской,
Они проходят, точно сны.

Всех бескрылых я с собою
В мир мечтаний уношу,
Там огнистому прибою
Я их в жертву приношу.

И над ними в час подлунный
Я колдую и творю
И проект тот многострунный
Царству вечному дарю.

* * *

Как грустны сны
Любви прощальной, поры печальной.
На память всходят и сердце гложут
Иные дни.
Как грезой ранней, слезой начальной,
Полны они,
Те дни весны.

БАЛЛАДЫ

1

За оградой между сосен
Бродит медленно монах,
Ту, которой он поверил,
Встретит в новых уж краях.
Вечеру лампы тускло
Освещают мирный прах.

Между сосен, между елей,
Меж холодных, темных плит,
И тогда, когда мирское,
Утомившись, сладко спит,
Он, поникнув головою,
С мыслью новою стоит.

И не думал, что так рано
Этот мир покинет он,
В царство вечное покоя
Скоро будет погружен,
Но вчера ночной порою
Вдруг приснился чудный сон.

Он на крыльях беспредельных
В мир неведанный попал,
И как вечную подругу
Меж других он там узнал...

А уж к утру луч восхода
Труп монаха озарял.

2

Он стоит у оконной решетки
И смотрит в темную даль.
В руках его старые четки,
На сердце немая печаль.

На людей он глядит сурово,
Там нет уже прежних друзей.
Твердит он прощальное слово
Уходящим отблескам дней.

Не видит ни в чем он отрады,
Ни в блеске жарких лучей,
Ни в прочности старой ограды,
Ни в будущей жизни своей.

Когда-то и он был молод,
Желаньями полон был ум.
Но в сердце проник к нему холод,
Душа утомилась от дум.

А были прекрасны надежды –
Манил их неясный туман.
Теперь в простые одежды
Облек он свой стройный стан.

И всё стоит у решетки,
И смотрит в темную даль.
В руках его старые четки,
На сердце немая печаль.

РОМАНС

Меня любил ты с верой жадной,
Теперь огонь хоть и погас,
Но знаю, новой и отрадной
Любви твой не настанет час.

Ты будешь жаждать упоенья,
Чтоб снова видеть счастья знак.
Но нет, то будут лишь мгновенья,
А после – жизни темной мрак.

И в вышине, в звезде той алой,
В ночной прощальной тишине,
Поймешь мечтою запоздалой,
Что счастье, жизнь твои во мне.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

* * *

Зачем он умер в тот апрель,
Когда земля весной дышала,
И солнце ласковей, светлей
Тепло и счастье проливало.

Зачем не выпил он до дна
Бокала жизни своевольной,
Ведь скоро б кончилась война
И жизнь бы стала всем привольней.

Зачем в тот мир ушел он тьмы,
Где нет ни радости, ни света,
Зачем он умер, если мы
Еще живем на этом свете.

<1915–1917>

* * *

Уже отравленная ядом
Зеленых трав и тополей,
Я не могу укрыться взглядом
От убегающих полей.

Вернуться вновь к толпе, столице,
Кафе поэтов на Тверской,
В ту жизнь страдающей блудницы,
Забывшей счастье и покой.

Нет, о другом душа томится.
Здесь, в зеленеющем саду,
Москва пускай мне только снится
В своем пленительном чаду.

1919

ТРИ ПИСЬМА

1

..... Вы живы?
И я до сих пор жива,
Но часто мне снится ива
Над рекой и мои слова.

Другой здесь мост высокий,
Под ним железный путь,
И всё брожу я около,
А вниз боюсь заглянуть.

А если спуститься ниже –
Сколько коров на лугу, –
Я думаю: скоро ль слижет
Здесь ветер мою тоску?

И месяц рукою сильной
Поднимет в свой желтый свет,
Чтобы не думать мне больше о миле,
Опоздавшем на десять лет.

Вы женщинами избалованы,
Их лучезарной красотой,
Но до сих пор еще не скованы
Вы неразрывно ни с одной!
Вы любите словами меткими
Перед собранием блеснуть,
Назвать вдруг женщин всех кокетками,
Но Ваш без них немыслим путь!
Вы любите всё бестелесное,
Но Ваши кресла так мягки,
И всё же Вы своей невестою
Меня назвать бы не могли!
Довольно с Вас минутного
Влечения в крови,
И Вам довольно смутного
Намека о любви!
Вы дышите обманною
И грешною мечтой.
Что Вам со мною, странною,
Безгрешной, молодой?

Вчера зайти я к Вам хотела
В Ваш тихий мирный уголок,
Куда входила так несмело
Я отдохнуть от всех тревог.
Я знаю, с Вами мы различны,
И разной у нас во сне*,
Я лишь могу сказать о личном,
О небывалом, о весне.
Вы на общественные темы
Готовы спорить без конца,
Решать научные проблемы
С тревожной смелостью юнца,
Вам близки также рестораны
И шум столичных городов,
И в модных туалетах дамы,
И тайны предвечерних снов.
Что Вам до странной поэтессы,
Которая всегда тайком
К Вам прибежит (как в чьей-то пьесе)
И постучится вечерком
Или совсем уже случайно
Войдет к Вам утром невзначай,
Расскажет Вам о чем-то странном
И молча выпьет с медом чай.

* Так в машинописи. – *Ред.*

Вас пригласит к себе на ужин*
В беседе тихой кофе пить,
Но вечер тот уже не нужен,
Как всё не нужно, может быть.
А между тем никто не знает,
Чем у нее душа полна,
Когда последний луч бросает
Над ней печальная луна.

* Конъектура. В машинописи: «К себе пригласит Вас на ужин».

* * *

Король, мой нежный повелитель,
Смущу ли взгляд твой голубой?
Девичьих грез моих властитель,
Зачем влечешь ты за собой?

Ты мой король, а я рабыня
В моем таинственном кругу,
Но ты уходишь вдаль равнины,
Я здесь одна на берегу!

Ты обещал умчать за море
И на другие берега,
Где в облаках сияют горы
И в волнах тают жемчуга.

Ты обещал в тот час туманный
В вечерний сада мрак прийти,
Чтобы единственным, желанным
Остаться на моем пути!

О, верь, не царственным убором
Украсить голову хочу,
Но чтобы ты усталым взором
Смотрел лишь на меня одну.

Я жду. Уж звезды в небе реют
И на траве блестит роса,

И ближе, ближе голубеют
Передо мной твои глаза!

* * *

Еще не распустилась и первая сирень,
«Милый, подождем с тобою мы хоть день».

Еще не слышно запаха весенних тополей,
«Милый, не склоняйся еще к груди моей».

И окна не раскрыты, и улица грустна,
И птиц еще не слышно, где же ты, весна.

Но сердце, что так бьешься уже в моей груди,
Разве ты не слышишь, шепчу я: «Подожди».

Еще не распустилась и первая сирень.
«Милый, но зачем нам ждать с тобой хоть день».

* * *

Конец печальный лета,
Солнечный пояс всё уже,
Я подумала: этот
Был бы прекрасным мужем.

Но безумно тянет к другому,
С ним весело еду на ужин
И в сладкой шепчу истоме:
Ты один, ты один мне нужен.

* * *

Тихий шелест стихов,
Улыбка весенняя мая.
Так голуби тихо
Поцелуи свои роняют.

Я сегодня чужая невеста,
И твои слова мне невнятные,
Но под каждой красной звездой
Голубые глаза мне снятся!

1920

* * *

Не пишу тебе безумных писем
И не думаю, как о лукавом.
Но всё чаще мне и чаще снится
Домик наш за каменной заставой.

Всё, что было ласковым и нежным,
Голубем на сердце встрепенулось!
Ах, скорее б по дороге снежной
Милый мой ко мне опять вернулся!

* * *

Ехали мы вместе, ехали куда-то,
Небо розовело от лучей заката,
Ты смотрел так нежно светло-синим взглядом,
И скользя небрежно затаенным ядом.

Вышла из вагона, ты же там остался,
Взгляд твой на прощанье небом показался,
Может быть, на время этою весною
Он меня окрасит голубой тоскою.

* * *

Я теперь люблю седого и старого
Без надежд, без желаний, без мук.
Быть может, ко мне, как к Татьяне Лариной,
Вернется мой истинный друг.

И вместе мы вспомним, быть может,
Наш старый запущенный сад
И счастье, что было возможно
Три года тому назад.

Е. Р. ЭЙГЕС

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Екатерина Романовна Эйгес-Александрова родилась 27 февраля (12 марта нового стиля) 1890 года в Брянске. Была десятым, последним, ребенком в семье земского (позднее городского) врача Романа Михайловича Эйгеса, служившего в разных городах Харьковской, Орловской и других губерний. За участие в русско-турецкой войне 1874 года Роман Михайлович получил чин действительного статского советника и личное дворянство, что дало ему право служить вне черты оседлости, и все дети Эйгеса получили возможность окончить высшие учебные заведения и впоследствии, став специалистами высокого класса каждый в своей профессии, творчески реализоваться. Рано ассимилировавшись, окончив в 1870 году Московский университет, отец, росший сиротой, не знал и не передал детям еврейских традиций. Младшая дочь в большой, дружной, одаренной семье, Екатерина Романовна росла избалованной и нежно любимой шестью братьями и двумя сестрами. Она рано приобщилась к русской поэзии и музыке. Несмотря на частые переезды из одного провинциального городка в другой, в доме сохранилась хорошая библиотека. Обилие немецкой классики свидетельствовало о вкусах матери Екатерины Романовны – Софьи Иосифовны, которая, несмотря на почти ежегодные роды, находила возможность переводить с немецкого классическую литературу. В ее переводе неоднократно издавался «Вертер» (в издании «Academia» указан инициал не С., а А. – мать, помогая старшей дочери-гимназистке переводить роман, для поощрения указала ее инициал). Софье Иосифовне

также принадлежит перевод с немецкого драмы «Шакунтала» Калидасы (в 1914-м поставлена в Камерном театре в Москве в более позднем переводе К. Д. Бальмонта). Небольшие гонорары за эти переводы и пособия «по многодетности» от жертвователей еврейских общин (в городах, где они существовали) помогали весьма скудному бюджету семьи. Отец был бессребреник и не брал денег с бедноты за лечение. Однако, несмотря на бедность, все дети учились игре на фортепьяно и немецкому языку. Мать взяла в дом сироту из прибалтийских немцев, говорившую с детьми только по-немецки и обшивавшую семейство.

Став взрослыми и переехав в разное время в Москву, братья и сестры Екатерины Романовны сохраняли тесные родственные связи, особенно четверо младших; старшие, уже «выбившись в люди», материально помогали младшим. Стойкие трудовые навыки, приобретенные в отрочестве (многие со старших классов гимназии давали уроки, в студенческие годы преподавали, живя в семьях богатых людей), помогли Эйгесам в трудные годы революции и последующей разрухи. Екатерина Романовна поселилась вместе с братьями – художником Вениамином и литератором-пианистом Иосифом – в одной квартире, снятой для всех сестрой Надеждой – биологом, позднее педагогом-педологом.

Несмотря на трудный быт в годы революции и гражданской войны, Екатерина Романовна вспоминала это время как насыщенное творческими интересами и разнообразными устремлениями окружающих ее родных и их многочисленных друзей, ярких индивидуальностей, членов различных художественных объединений (в том числе бывшего «Бубнового валета»), поэтических кружков и проч. В доме происходили диспуты, часто шуточные споры, домашние концерты. Екатерина Романовна, очень красивая и общительная, несмотря на серьезные занятия

на математическом факультете, была центром этой компании одаренных молодых людей, писавших стихи, участвовавших в выставках, музицировавших. Екатерина Романовна также с юности писала стихи <...>.

Хотя познакомились Екатерина Романовна с Есениным в Союзе поэтов, их дружба не могла быть основана на общности поэтических вкусов. Что же могло привлекать в ней Есенина и что сближало столь разных по биографическим, жизненным, культурным и проч. особенностям людей? Кроме внешней привлекательности (Катя была похожа на Зинаиду Райх – все, знавшие обеих, утверждали это), она была интеллигентна, начитанна, очень добра, образованна, с широкими, хотя, возможно, и поверхностными интересами, отличалась заботливостью и умением создать вокруг себя в любых условиях атмосферу уюта и женственности; с ней было в ее молодые годы легко и «отдыхательно». Возможно, именно эти качества, столь резко отличавшиеся от пристрастий окружавшей Есенина среды, и привлекали поэта к ней, в ее уют и благоговие, целомудрие и нежную заботливость старшей и ничего не требовавшей от него подруги <...>.

Отношения Екатерины Романовны с Есениным прекратились в 1921 году в связи с ее замужеством (недолгим и неудачным). Есенин в 1922-м уехал за границу с А. Дункан, и после его возвращения они больше по-домашнему не встречались. Муж Екатерины Романовны, математик Павел Сергеевич Александров (будущий академик, создатель научной школы по топологии), вернувшись в 1924 году из командировки во Францию, порвал с женой, но сохранил дружеские связи с ее родственниками (он был учеником гимназии в Смоленске, где, по его словам, ему привил любовь к математике его учитель, брат Екатерины Романовны Александр).

В начале 1930-х годов Екатерина Романовна переехала к самому старшему из братьев – композитору и преподавателю фортепьяно. В ее маленькой уютной комнате над кроватью висел есенинский коврик с Георгием Победоносцем, почему-то она полюбила всё миниатюрное – на полках стояли маленькие, красиво переплетенные поэтические томики, чай наливала в крошечные кофейные чашечки. Всё было какое-то игрушечное, детское, изящное, напоминало кукольный домик. Культурных интересов она не утратила, но работала мало. Увянув и утратив поклонников, стала ближе к родне, внимательна к многим племянницам, по-прежнему была ласково-заботлива.

В середине 1930-х годов Екатерина Романовна вышла замуж за своего бывшего сотрудника, видного библиографа, работавшего в библиотеках ВТО и Иностранной библиотеке, Николая Ивановича Пожарского, и переехала к нему на Машкову улицу, где он жил с семьей сестры. Отношения у них были вежливо-уважительные, но казались прохладными – обращались они друг к другу на «вы». Она окружила мужа заботой, но радости там не ощущалось.

Умерла Екатерина Романовна 17 июня 1961 года в Москве, недолго боля раком, самоотверженно ухаживая за больным раком же мужем, но неожиданно опередив его в смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

СТИХОТВОРЕНИЯ 1910 – 1913 ГОДОВ

I. ВИДЕНИЯ

1. «В переулке глухом это было...» 9
2. «Я уйду в другие страны...» 10
3. «Осенний дождик лился...» 12
4. «Снег окутан синей дымкой...» 13
5. «Разбужу ночные дали...» 14
6. «...И там, где дали всё туманней...» 15
7. «Бесконечная даль впереди...» 16
8. «Ты из ночи вышел ко мне...» 17
9. «Мне сегодня показалось...» 18
10. «Хочу любить я, как и ты...» 19
11. «Я те встречи начертала...» 20

II. МГНОВЕНИЯ

1. «Воля к песням, воля к сказкам...» 21
2. «На фоне неба, во власти ночи...» 22

3. «Со мною что-то было...»	23
4. «Расплету я косы длинные...»	25
5. «Сегодня слышала я новость...»	26
6. «У тебя ли глаза голубые...»	27
7. «Говорят, что я кокетка...»	28
8. «Много горя, много песен...»	30
9. «Серые птицы печали...»	31
10. «Я опять очутилась в волшебном тумане...»	32
11. «О, ты напрасно и рад, и смеешься...»	33

III. УЕДИНЕНИЕ

1. «Не спала, у окна я сидела...»	35
2. «Люблю уединенье...»	37
3. «Вечер томный и душистый...»	38
4. К луне	39
5. «Сыплются камни с утеса морского...»	40
6. «Ждала я смутно вдохновенья...»	41
7. «Хорошо в разгаре лета...»	42
8. «Стою я к окну прислонившись...»	43
9. Романс («Я боюсь даже вспомнить...»)	44
10. «Силуэты чернеющих башен...»	45
11. «Хочу я вечному молиться...»	46
12. «В равнине тихой и сырой...»	47
13. «Всех бескрылых я с собою...»	48
«Как грустны сны...»	49

БАЛЛАДЫ

1. «За оградой между сосен...»	50
2. «Он стоит у оконной решетки...»	51
Романс («Меня любил ты с верой жадной...»)	53

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Зачем он умер в тот апрель...»	57
«Уже отравленная ядом...»	58
<i>Три письма</i>	
1. «...Вы живы?..»	59
2. «Вы женщинами избалованы...»	60
3. «Вчера зайти я к вам хотела...»	61
«Король, мой нежный повелитель...»	63
«Еще не распустилась и первая сирень...»	65
«Конец печальный лета...»	66
«Тихий шелест стихов...»	67
«Не пишу тебе безумных писем...»	68
«Ехали мы вместе, ехали куда-то...»	69
«Я теперь люблю седого и старого...»	70
<i>Е. Р. Эйгес. Биографические сведения</i>	71

Эйгес Е. Р.

Э34 Тихий шелест стихов: Стихотворения / Сост. и подг. текста В. А. Дроздова, биографические сведения Л. Г. Чудовой. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 80 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 5–902312–89–2

Имя Екатерины Эйгес (1890–1961) почти неизвестно даже среди историков русской поэзии начала XX века. Ее помнят разве что как верную и ни на что не претендовавшую подругу Сергея Есенина. Между тем ее стихи появлялись в печати в 1910–1913 гг., писала она и позже. Наследие Эйгес невелико, но должно быть сохранено для ценителей русской поэзии Серебряного века. Эту задачу и призвано выполнить настоящее издание.

ББК 84Р7-5

Эйгес Екатерина Романовна

Тихий шелест стихов

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина

Корректор В. Резвый

Подписано в печать 10.08.06. Формат 60x90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (495) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Участник Первой мировой и Гражданской войн, офицер армии А. В. Колчака Леонид Ещин (1897–1930) сочинял стихи в условиях Ледового похода – отступления к Приморью. Записал и издал он их лишь в 1921 году во Владивостоке («Стихи таежного похода»). Позднее Ещин жил в Харбине, где и погиб в нищете, оставив расплывенные в периодике стихи и небольшой рукописный архив. В книгу вошли все выявленные стихотворения поэта.

Эйснер А. В. Человек начинается с горя: Стихотворения разных лет. 2005. – 72 с.

В книгу вошли практически все сохранившиеся оригинальные стихотворения и избранные переводы Алексея Эйснера (1905–1984) – поэта, никогда не издавшего поэтической книги, друга Цветаевой и Эренбурга, участника Гражданской войны в Испании и узника сталинских концлагерей.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Дураков А. П. Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Первый сборник стихотворений Алексея Петровича Дуракова (1898–1944), одаренного поэта русской Сербии, выходит в свет спустя более 60 лет после трагической гибели автора. Книга практически полностью представляет сохранившееся поэтическое наследие Дуракова, дополненное переводами из классиков сербской и словенской поэзии.

Манухина Н. Л. Смерти неподвластна лишь любовь: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Н. Л. Манухину (1893–1980) при советской власти травили всю жизнь: «Ей <...> очень не по себе в нашей варварской стране», – отмечала рецензия на ее единственный сборник «Не то...» (1920). В 1927 г. поэтесса вышла замуж за поэта, переводчика, филолога Г. Шенгели, а когда в 1956 г. его не стало – четверть века разбирала и берегла архив.